

Елена

Иноземцева

СНЕГ В АВГУСТЕ

К вечеру с неба неожиданно полетел снег. Август. Открытое окно втягивало в себя горячий воздух с улицы, а за ним грязные снежные хлопья. Я хотела было выйти во двор, чтобы рассмотреть их получше. Но мама сказала: «Не ходи!» И я осталась в комнате и всё смотрела на снег через окно, не решаясь подойти поближе и закрыть его. Впрочем, это уже ничего не изменило бы – слишком поздно: и двор, и дом, и все мы уже были отравлены этим снежным ядовитым теплом, летящим из-под непроницаемо-серого, мертвого неба...

ШКОЛА

В Ленинской комнате стоит ленинская голова. Холодная, гипсовая. Пахнет мелом только что вытертая доска. На полу подсыхают влажные пятна. Я выжимаю тряпку и несу ведра с грязной водой на первый этаж – вылить в девичьем туалете. Сёмгин со Светкой не остались мыть полы. Сбежали. Пришлось мне мыть одной – отдуваться за всех. Потому что меня назначили старшей по дежурству. С меня и спрос.

День сегодня и без того был ужасный. Моя первая двойка. Не в этой четверти – вообще первая. По истории. Урок начался, как обычно. И вообще все было как обычно. Повторение, проверка домашки. Ленька со второй парты отвечает зазубренное про пролетариат и классовую борьбу. И тут историчка вдруг спрашивает:

– А что именно имел рабочий класс до революции?

Ленька молчит.

– А все-таки? – не унимается она.

– Этого нет в учебнике!

– Два! Следующий! Что имел пролетариат?

И поднимает весь класс по очереди. И всем лепит пары. Разозлилась, раскраснелась, кажется, еще чуть-чуть – и даст кому-нибудь подзатыльник. Скоро и моя очередь. Соображаю мучительно. Этого, и правда, в учебнике нет. Что же они имели-то? Права какие-нибудь? Обязанности?

И вот она называет мою фамилию. Весь класс притих. Потому что, если я не спасу всех сейчас, то больше никому.

– Так что же имел рабочий класс? – спрашивает. И смотрит на меня с последней надеждой утопающего.

– Может быть, работу?

Хлоп! Это она журналом по столу со всего маху. Да как заорет:

– Ничего! Ничего не имел рабочий класс! – И потом, уже тише, точно из шарика воздух выпустили: – ...кроме своих цепей...

Тут, как в плохом сценарии, звенит звонок. И весь класс визжит и срывается с места – отмучились, пора по домам.

– Сёмгин, погоди! Ты сегодня дежуришь! И ты, Света, тоже!

В сентябре школа пахнет по-особому. Свежей краской. Недавней пустотой коридоров. Проходит неделя-другая – и вот уже из столовой доносится сладкий запах булочек и чего-то горелого. В спортзале пахнет резиновыми мячами и кедми. Из туалетов – хлоркой. Все запахи смешиваются и оживляют трехэтажное кирпичное тело школы.

На первом этаже – младшие классы. Вечный галдеж на переменах. На втором – ребята повзрослее. Здесь тоже всегда оживленно: на уроках – слышится гул из-за закрытых классных дверей, на переменах гул перемещается в коридоры. А старшим классам несколько занятий назначают на третьем, в святой святых: в Ленинской комнате – урок истории, и химия – в лаборатории.

Сёмгин – двоечник. И хулиган. Его полшколы боится. Та половина, что младше нас. А еще он прогульщик. Это хорошо – в классе тише, когда его нет. Но сегодня он здесь, и его очередь дежурить. А я должна на него повлиять. Меня назначили старшей. Для начала Сёмгин сел в последнем ряду и ноги на парту закинул. Мы со Светкой притащили по ведру воды. А потом они начали дурачиться. Бегали по рядам, пока я вытирала доску. А потом Сёмгин взял портфель и направился к выходу.

– Сёмгин, ты куда! А полы мыть?

– Тебе надо, ты и мой.

– Не уйдешь, пока не помоешь! Понял? – Я встала в двери со шваброй наперевес: – Сёмгин, мой! Мой, тебе говорю!

– Да твой! – заорала вдруг Светка и залилась хохотом. – Твой, только успокойся!

Тут они и сцепились. Сёмгин бросил портфель и пихнул Светку, она кинулась на него со своими длинными ногтями, а я схватила грязную тряпку и начала лупить их обоих. И тогда Сёмгин пихнул меня тоже. И я оказалась в луже грязной воды. А он схватил портфель – и был таков. И Светка тоже.

На улице – палые желтые листья. Быстро-быстро смеркается. Всюду дымят костры. Дым костров – и едкий, и приятный. Он смешивается с сумерками, с закатом, добирается до самого неба, где уже собираются первые птичьи стаи. Наматывают круги, кричат пронзительно, тревожно. Скоро зима...

Прошлой зимой мы ходили к Сёмгину домой. Шли под снежком, норвящим стать метелью. Улица спускается под горку, на ней даже асфальт не уложен. Подошвы скользят по обледенелой корке, присыпанной сахарной пудрой снега. Вот Светка уже поскользнулась и чуть было не упала, хорошо, что Юлька крепко держала ее под ручку. И классная пару раз чуть было не полетела кубарем. Я живу в этом районе и лучше остальных знаю эту дорогу. Каждый день возвращаюсь по ней после уроков. Мои ступни приносовились к выбоинам, выучили все бугорки, и даже крутой спуск под горку дается мне легко. Снежный вечер потихоньку укутывает, прячет в сумерки кроны тополей и очертания крыш. Воздух наполняется дымом – топят печи. И из-за всех заборов надрываются собаки, почуяв чужих.

Нас встретила злым лаем маленькая собачонка, которую мать Сёмгина прогнала в сарай. Мы по-быстрому вошли в тесные сенцы, разулись, и вот уже стоим в комнате с печью и столом у окна. В доме жарко, печь затоплена. Пол недавно вымыт, еще сырой – видно, что готовились к нашему визиту. Сёмгин вышел из соседней комнаты,

отделенной от кухни занавеской. Встал у стола, ни на кого не глядя. Учительница присела на поставленный ей услужливо стул. А мы, девчонки, так и остались стоять, и я вдруг почувствовала сильную усталость в ногах. Классная заговорила. О плохих оценках, о пропусках, и что на уроках дерзит. Мать Сёмгина молчала, смотрела то на учительницу, то на сына. Сёмгин тоже молчал. Наконец замолчала и учительница. Она обвела взглядом всю нашу притихшую компанию, а затем обратилась к Сёмгину:

– Ну, может, скажешь нам что-нибудь?

Но он молчал. «А что он может нам сказать? – подумала я. – Пришли к нему в дом, отругали при матери, при девочках... Что ему сказать? Зачем мы здесь?» Мне захотелось сейчас же прекратить эту никчемную, показушную экзекуцию. Но я молчала.

– Так что молчишь-то? – продолжала классная. – Нечего сказать? Стыдно? Перед лицом своих товарищей сознаться в своих... в своих...

– Ну, чего молчишь-то! Скажи хоть чё-нить! – подала голос мать.

– Мать хотя бы пожалел, – ухватилась за новую нить классная, – чтоб ей стыдно за тебя не было, что такого воспитала, по тебе ведь и о ней судить будут.

– Мать не троньте! – только и ответил Сёмгин.

На третьем тихо всегда. Из окон виден весь школьный двор: цветы на клумбах, шербатые дорожки, маленький бассейн в центре, куда уже напали листья. Из ржавого краника сочится вода. Я люблю задержаться здесь после уроков: присесть на подоконник и смотреть поперек крыш – как малиновое небо, как теряются в серых сумерках очертания двора. Так и сижу, пока не послышится шарканье уборщицы – значит, пора бежать домой, пока дымный сентябрьский воздух не превратился в кромешную тьму.

Выхожу из школы и замечаю, как от стены напротив отделяется фигура. Это Сёмгин меня дожидается. Худой, смуглый. Цыганские вихры, злые глаза. Я останавливаюсь в нерешительности. Пойти навстречу или дёру дать?

– Давай портфель, – хмуро говорит Сёмгин. – Понесу.

* * *

Дом стоит в низине, и я, возвращаясь вечером из школы, вижу всю улицу, весь частный сектор с пригорка. Раньше на этом месте был городской питомник, потом округу застроили домами, но всё равно сохранились и деревья, и болотца. Дым из труб, снег и заходящее солнце – словно вырезали из журнала репродукцию Питера Брейгеля Старшего и вклеили в непримечательный городской пейзаж.

На болотце расчищен лед – я несколько часов убирала снег здоровенной лопатой. А когда собралась наконец покататься на коньках, пришли мальчишки и прогнали меня, сами стали играть в хоккей на расчищенном мной поле. Конечно, я не сдала лед без боя. Но я была одна. И у меня до сих пор шрам над правой бровью – от удара клюшкой. Я была в бордовой вязаной шапке и даже не сразу поняла, что эта красная нитка на виске – вовсе не нитка...

НА БОЛОТЕ

Есть в мире вещи совсем не страшные. Я никогда не боялась серого волка из сказки про трех поросят. Даже на картинке в книжке, хоть он и был с огромными зубами. Подумаешь, нарисованный волк. То ли дело – собака Баскервилей. Тут уже одно то страшно, что собака. В книге-то она одна на все болото, а у нас их целая стая бегают. Мама говорит, что они не страшные. Просто голодные. Мама

иногда их кормит и говорит, что они ее охраняют. Она про всех собак так говорит. Когда нам Шайтана отдали, она тоже говорила, что он ее охраняет, а он пожил у нас, пожил, да и ушел в стаю. Но собака Баскервилей, конечно, страшнее их всех. «Если жизнь и рассудок дороги вам, держитесь подальше от торфяных болот...» Держитесь подальше – где уж там. У меня дорога к дому – как раз мимо болотца. В полной темноте, ее даже свет из окон не пробивает – это же частный сектор, все окна спрятаны за ставнями и заборами. И кто только придумал эту вторую смену. «Посеею лебедууу на берегууу! Посеею лебедууу на берегууу!» Я иду по скользкой тропинке, с огромным ранцем за спиной, то поскальзываясь, то оступаясь – мимо болотца, мимо камышей, мимо бесконечных, застегнутых наглухо заборов. «Мою крупную рассадушку! Мою крупную зеленую!» Если громко петь песни, то почти не страшно. Ни бездомных собак, ни злых дядек, которые подкарауливают ночами усталых путников и сдирают с них норковые шапки. У меня шапка самая обычная, вязаная. Но мало ли что, вдруг он в темноте не разберет. И вот я вижу, как из-за соседского забора выдвигается темная коренастая фигура: встал посреди тропинки и стоит. Поджидает. Я не знаю, как мне быть. Останавливаюсь. Фигура движется мне навстречу. Бежать! Бежать со всей мочи в сторону болота, пусть там даже собака Баскервилей, может, она не такая уж и страшная, может, не голодная совсем. И тут мужчина окликает меня по имени. Знакомый родной голос за спиной. Это отец вышел меня встречать, ждал целый час, пока я мыла в классе полы после уроков. И сразу становится совсем не страшно. Отец берет меня за руку, и мы вместе идем домой, дыша мягким зимним воздухом, слушая перешептывания камышей, скрип собственных шагов по снегу и рассыпающийся по всей округе собачий лай. Как хорошо жить. Господи, как хорошо!

* * *

Моя бабушка видела гриб. Тот самый. Потому что сначала испытывали над землей... Сидела в комнате, кормила дочку годовалую – мою маму. И котенок рядом на кровати дремал. Перво-наперво заложило уши. И стало светло-светло, хотя день и без того был солнечный. Просто этот свет был еще светлее. Потом вдруг посыпались стекла в окнах, а котенка подняло в воздух и отшвырнуло прямо в открытый подпол. А потом оно поднялось высоко над городом – пепельное облако, и бабушка смотрела, как оно уплывает в степь и постепенно, постепенно развевается...

ПАРАД

С утра прохладно и пасмурно, но, говорят, распогодится, и день будет жарким. И точно: уже рассеивается наверху, небо проясняется, точно с него пленку содрали. Мама надувает шары, а я помогаю: стою с катушкой ниток и вовремя подаю. Мама зажимает конец шарика зубами и обматывает его ниткой. И сама похожа в это время на шарик с надутыми щеками. Я тоже пытаюсь надувать и завязывать, но не хватает сил, и шар вырывается у меня из губ и сдувается с неприличным звуком. Мы приматываем надутые шары к длинной палке, а в дверях уже стоит папа: «Ну, сколько вас еще ждать?» – «Ты еще даже машину не завел!» – «Сейчас вообще никуда не поедем!»

Так всегда. Каждый день. Даже в обычный день, если мы в магазин, например, собираемся. Или если папа маму до работы «подбрасывает». Всегда один и тот же диалог. И всегда мне тревожно: вдруг правда поругаются и никуда не поедут?

Но папа все-таки заводит машину. И она ворчит, вроде нашего пса, которого шугнули с дороги, чтобы не попал под колесо. Я сижу на заднем сиденье, и шары заполняют всё оставшееся пространство нашего, и без того тесного, «Запорожца». Поехали.

Улицы почти пустые. Но ближе к центру становитсялюдно. Маленькие группки, побольше, совсем большие. И вот уже настоящая толпа. На машине дальше нельзя. Мы оставляем «Запорожец» в переулке, а сами присоединяемся к потоку, текущему по главной улице. Кажется, нужно кого-то здесь найти. То ли папино предприятие, то ли мамино. Школьники, что постарше, идут каждый со своей школой, а я пока еще слишком мала, мне можно с родителями. Какая-то женщина машет маме рукой: «Нина, Нина, сюда, к нам иди!» Мы оставляем папу и смешиваемся с толпой. Теперь мы движемся медленно, и мне ничего, почти ничего, не видно. Только ноги тех, кто впереди. И шары над ними, если задрать кверху лицо. По громкоговорителю постоянно что-то объявляют, но я не слушаю, не понимаю. Мы движемся и движемся. Так медленно, так неуклюже переставляем ноги, чтобы не наступить на пятки идущих впереди. Я устала держать палку с гирляндой из шаров, но стесняюсь отдать их маме. У нее же сумка. И она держит за руку меня. И вообще, она никаких шаров брать не хотела, это я упросила. Как же, мол, без них. Мы проходим по главной площади, и я не выдерживаю: «Мама, долго еще?» Мама отвечает, что нам нужно пройти еще несколько улиц, и я чуть не плачу от усталости... Но всё заканчивается неожиданно быстро. Как только исчезают из поля зрения трибуны на главной площади, толпа начинает рассеиваться. Я слышу, как учителя грозными окриками сдерживают школьников: «Не расходиться!» – но их не остановить, особенно старших мальчишек. Они попросту перепрыгивают через ограждения и дают дёру. И вот мы уже не в толпе, а в небольшой группе, потом в маленькой, и вот уже снова с мамой вдвоем идем к нашей машине. А там уже папа, недовольный и довольный одновременно. И с мороженым. Для меня.

Мы садимся в машину и едем к дому, но неожиданно проезжаем нашу улицу, и я понимаю, что день не закончен, что, наоборот, приключение только начинается – и точно: мы выезжаем за город и мчимся – да, мне кажется, что мчимся, и, конечно, с ветром наперегонки – к лесу. О, этот чудесный лес! С колоннами сосен, с запахом хвои, с песком, набивающимся в ботиночки. Родители расстилают на земле покрывала и достают нашу нехитрую снедь. Я знаю, что будет вкусно: хлеб с колбасой, рыбные консервы, пряники и трехлитровая банка виноградного сока! Я жадно отхлебываю прямо из банки – очень люблю виноградный!

«Смотри, далеко не убегай!» – кричат они мне в спину, я же несусь по колючему песку, перемешанному с сосновой хвоей.

Тропинка ведет к запруде, и я решаю посмотреть, что же там, за кустиками, теплая ли вода, квакают ли лягушки, не отыщутся ли около берега шоколадно-коричневые шишечки камыша.

– Ты не скажешь, как мне попасть на другой берег?

Я смотрю в лицо незнакомого мужчины, заставшего меня своим вопросом врасплох. Он возник прямо передо мной, в сером длинном плаще, как из фильма про шпионов.

– Нет, – говорю. – Я не здесь живу...

– Должен же быть путь, – настаивает он и смотрит выжидающе.

Меня учили быть вежливой со взрослыми, но, в самом деле, откуда мне знать про другой берег.

– Наверное, – говорю я, – должен быть путь, но я же из города. Вы спросите у кого-нибудь еще...

Что-то с его лицом не так, как-то странно он смотрит на меня: и нетерпеливо, и озадаченно. Я перевожу взгляд на его шею, воротничок рубашки, небрежно распахнутый плащ и ниже... Успеваю рассмотреть совсем немного, но наконец-то понимаю, что к чему. Мне становится смешно. Нет, я никогда прежде не видела дядек без трусов, и на самом деле мне очень страшно, но я почему-то лишь смеюсь заливисто и бегу прочь от тропинки, назад, под кроны сосен, к покрывалу со снедью, к банке с соком... Я запыхалась, мне жарко, мне смешно, но одновременно и стыдно точно я сделала что-то нехорошее, точно это я сделала нехорошее, не кто-то другой. Внезапно подступает тошнота, меня рвет, выворачивается желудок, раскаляется голова. Родители собирают наши вещи, и мы едем домой, то и дело останавливаясь по пути... «Перепила виноградного, а он, может, несвежий», – говорит мама и кладет мою голову на колени, и гладит меня по голове, пока я не засыпаю...

«ЛЕТО – ЭТО МАЛЕНЬКАЯ ЖИЗНЬ»

Начинаются каникулы с июнем, и ты радуешься, что целых три месяца впереди – свобода, отдых, поездки, купания... Мягкие, обволакивающие теплом вечера, закат над камышами, куча песка у забора, на которой хорошо сидеть, смотреть в небо, слушать лягушек... В конце июня отмечаешь, что треть лета пронеслась, но еще целых два месяца впереди. Зной и пыль июля, прополка в огороде, две недели у бабушки в деревне, концерт поп-группы, на который распродали все билеты, но выбегали с друзьями к стадиону – было все слышно. Самые смелые мальчишки забирались на ветви деревьев, а оттуда перебирались на трибуны. Июль прошел...

И вот он – последний месяц. Тихий август, как будто немного уставший. Вечерами поливка, шум мотора, качающего воду. Резкий звук пилорамы у соседей. Мошки вьются над разросшимися кустами помидоров. Созревают маленькие яблочки. И ты вдруг становишься немножко взрослее. По-другому пишешь, думаешь, и рука тянется к другим книгам. Вспоминаешь все, что планировала в начале лета, пытаешься ухватиться за последнее, поймать позднее солнце на берегу.

В середине месяца вызывают на отработку: поливать в школьном дворе изнывающие от солнца, иссыхающие оранжевые клумбы. Неделя последнего, августовского счастья, отданная общественным работам, вырванная безжалостно из контекста лета, точно страницы сочинения, вымаранные красными учительскими чернилами.

В школе перемены. Голову Ленина куда-то убрали. В бывшей его комнате поставили телевизор, и оттуда раздаются выкрики и музыка: это дерутся и поют на экране монахи Шаолиня. Иногда нам со Светкой удается сбежать от полива в здание школы, и тогда мы прокрадываемся на третий этаж, чтобы подсмотреть кино хотя бы одним глазком. Только вот не сегодня. Сегодня с утра по телевизору один балет. И учителя все очень тихие и настороженные.

Из раскрытой двери слышен разговор завуча с директором:

– А Ленина-то в подвал унесли.

– Как?! Кто разрешил?

– Кто же знал... переворот... путч...

– Тише, тише! Назад его, срочно! Старшекласников возьмите...

Мы ретируемся вниз по лестнице, но навстречу нам поднимаются двое мальчишек: они тащат, пытая, огромную гипсовую голову из подвала – назад, на третий этаж. Лестница узкая, и всё происходит слишком быстро: голова вырывается из их рук, скачет по ступенькам вниз, с грохотом ударяется об пол... Перепуганные мальчишки вздыхают с облегчением: «Уф! Не разбилась...»

Вот и прошла последняя неделя. Давно ли лето начиналось... И вот он – последний день. Пасмурный и холодный. Вдруг и тучи набежали, и с утра моросит, и ветер резкий. И ничего не хочется делать – всё равно ничего уже не успеть. День пройдет суматошно, спешно. Подготовить портфель, тетрадки. Выйти на веранду с грустным намерением посидеть, посмотреть на небо – проститься с летом, но холодно – и убежать домой, и отправиться в кровать пораньше, поддавшись маминым уговорам, что, мол, завтра рано вставать...

* * *

А к вечеру с неба полетел снег... Этот сон приснится тебе через много лет, ты проснешься в слезах и будешь гадать, что же это было: начало ядерной зимы? Ты будешь стараться припомнить всё, что вам рассказывали об этом в школе, но вспомнишь только цветение настурций на школьной клумбе перед бомбоубежищем... А еще вспомнишь, как однажды затряслась комната, задребезжала мебель, точно при землетрясении. Но ты даже не подумала испугаться. Ты знала, что это никакое не землетрясение. В степи не бывает землетрясений...

Елена Иноземцева родилась в Семипалатинске. Окончила художественно-графический факультет Семипалатинского университета. Работала преподавателем, журналистом, художником-постановщиком в театре. С 1998 года живет в Германии, окончила Лейпцигский университет (факультеты славистики и истории искусств). Работала журналистом и редактором в газетах и журналах, была инициатором и редактором первой газеты, издававшейся в Лейпциге на русском языке. В 2010 году организовала русско-немецкое литературное объединение «Viterbrod», куда вошли молодые немецкие и русские литераторы. В настоящее время преподает русский язык в Лейпцигском университете. Публикации в литературных журналах и альманахах в Германии, Казахстане, России, США, Украине. Входила в длинный список конкурса «Заблудившийся трамвай» (2005), длинный список «Русской премии» (2015), короткий список конкурса рассказов имени В. Г. Короленко (2015, 2016).